

МАУНТОЛИВ

Ποσβάτσαετςα Κλοδ

τό όνομα τοῦ άγαθοῦ διάμονος ¹

¹ Имя доброго гения (греч.).

Рассеялись грезы, как только здравый смысл вступил в свои права, и вовсе не важной она оказалась — сия история грехов преступного ума. Она известна всем и никого не задевает. Но вот, однако, незадача, возьмешься порою за труд продлить сюжет чуть дальше. Чем, осмелишься задать себе вопрос, чем только не может обернуться воплощение этой идеи, коль одна лишь голая форма ее, пустая абстракция, возвышенная вымыслом, способна оказалась тебя затронуть так глубоко? Отринутая, ненавистная мечта оживает снова, и само существование ее есть уже преступление.

Д. А. Ф. де Сад. Жюстин

Il faut que le roman raconte¹
Стендаль

¹ Роман имеет быть рассказан (*фр.*).

Уведомление

Все персонажи и ситуации, выведенные в этой книге (она — родная сестра «Жюстин» и «Бальтазару» и третий том «Квартета») — чистой воды вымысел. Я воспользовался исконным правом романиста и позволил себе в ряде случаев некоторые необходимые вольности в отношении как ближневосточной истории, так и состава дипломатического корпуса.

I

Будучи совсем молодым стажером, он уже подавал надежды, и его отправили на год в Египет совершенствоваться в арабском. В Египте на него смотрели как на письмоводителя, временно прикомандированного к Верховной Комиссии в ожидании первого своего назначения; он, однако, держал себя так, как подобает молодым секретарям дипломатических миссий, полностью отдавая себе отчет в глубине ответственности, налагаемой на него будущей должностью. Вот только сегодня контролировать себя было куда трудней, чем обычно, слишком уж увлекательным делом оказалась рыбалка.

Если честно, он напрочь забыл об отутюженных совсем недавно теннисных брюках, о блейзере цветов родного колледжа и о том, что понемногу заливающая стлани грязная вода успела насквозь промочить его белые парусиновые туфли. В Египте он уже не в первый раз так забывался, не то что в Англии. Он еще раз благословил про себя вполне случайное рекомендательное письмо, по милости которого он оказался в имении Хознани — в без смысла и плана отстроенном старомодном доме среди озер и дамб без счета, совсем недалеко от Александрии. Да уж.

Плоскодонка толчками шла по мутной воде, чуть забирая к востоку, чтобы занять свое место в ши-

роком полукруге — лодка подходила за лодкой, понемногу окружая отмеченный камышовыми вешками участок озера. И вместе с ними замкнула мир в кольцо египетская ночь — и все вокруг свела вдруг к барельефу, на фоне золотом и фиолетовом. Земля в лиловом сумеречном полусвете стала плотной и плоской, как гобелен, и тихие токи насыщенного озерной влагой воздуха постепенно погружали ее в чуть мерцающую ирреальность, то растягивая, то ломая перспективу, покуда мир не стал в конце концов подобен собственному отражению в огромном мыльном пузыре, готовом вот-вот бесшумно лопнуть. И голоса над водой звучали то громко, то мягко, на чистой тихой ноте. Он кашлянул, и отзвук кашля — птицей — крыльями забил через протоку. Почти совсем стемнело, но жара не спадала; рубашка прилипла у него к спине. Из-под воды понемногу проступала тьма, тянулась вверх, но пока лишь подчеркивала контуры осокой поросших островов, разрозненных, щетинистых, как великанские подушечки для булавок, как идущие ко дну дикобразы.

Тихо смыкались единой дугой лодки, в медленном ритме не то молитвы, не то медитации; растворившись, смешались земля и вода, и он никак не мог отделаться от чувства, что они плывут по небу, а не по мелким водам Мареотиса. Где-то за пределами видимости возились гуси, и поднявшийся на крыло выводок разделил вдруг, приподнял от воды краешек неба — волоча за собой через протоку перепончатые лапы, нелепо, как стая гидропланов, туповато переругиваясь на лету. Маунтолив вздохнул, опустил в ладони подбородок и принялся глядеть в коричневую воду за бортом. Он не привык к ощущению счастья. Юность — время разочарований.

За спиной толкал плоскодонку шестом Наруз, младший из братьев, с заячьей губой, выдыхая резко и хрипло, и каждый крен лодки эхом отдавался где-то в чреслах. Ил, тягучий как патока, тёк с шеста обратно в воду с медленным тихим «флоб, флоб», и шест, сахаристо чавкая, снова всасывался в дно. Красиво, но какая вонь, — и он вдруг, к удивлению своему, обнаружил, что ему даже нравятся гнилостные запахи эстуария. Слабые сквознячки морского бриза — до моря было близко — всплескивали по временам, освежая голову. Вилась, звенела мошкара, отблескивая капельками серебра в последних лучах солнца. Паутина переменчивого света бенгальским огоньком пробежала по его душе.

«Наруз, — сказал он, — я так счастлив».

И попал, неожиданно для самого себя, в торопливый ритм собственного сердца. Наруз, совсем еще мальчик, рассмеялся тихо, с присвистом, и сказал:

«Хорошо, хорошо, — опуская голову. — Это еще рано, подожди. Мы сходимся уже».

Маунтолив улыбнулся. «Египет, — сказал он про себя, как повторяют имя женщины. — Египет».

«Вон там, — произнес Наруз хрипловатым мелодичным голосом, — утки совсем не *rusés*¹, понимаешь, да? — (Его английский был весьма неуклюж и ходулен.) — Чтобы на них браконьерствовать, совсем легко (ты сказал “браконьерствовать”, я не ослышался?). — Ты под ними ныряешь и берешь их за ноги. Проще, чем стрелять, понимаешь? Если пожелаешь, завтра пойдем». — Он снова толкнул шестом лодку и выдохнул.

¹ Стреляные, хитрые, пуганые (*фр.*).

«А как насчет змей?» — поинтересовался Маунтолив. Днем он видел несколько штук, плывущих по воде, крупных.

Наруз расправил квадратные плечи и усмехнулся. «Нет змей», — сказал он и опять рассмеялся.

Маунтолив повернулся чуть в сторону и оперся щекой о теплый деревянный нос лодки. Краешком глаза он следил за своим спутником, как тот работал на корме шестом: его волосатые руки, напрягавшиеся могучие мышцы ног.

«Может, сменить тебя? — предложил он по-арабски. Он уже заметил, сколько удовольствия может доставить своим гостеприимцам, обращаясь к ним на их родном языке. Они улыбались, когда отвечали, и ответ был — почти объятие. — Давай, правда?»

«Конечно, не надо, — ответил Наруз и улыбнулся. Великолепные глаза и звучный голос — единственное, что могло искупить эту уродливую улыбку. С курчавых черных волос, хохолком нависших над низким лбом, падали капли пота. И чтобы отказ не показался вдруг невежливым, добавил: — Станет совсем темно, начнем загон. Я знаю, как делать; а тебе нужно смотреть и увидеть рыбу». — Два маленьких розовых язычка плоти по краям разрезанной надвое губы влажно поблескивали. Он подмигнул англичанину — дружески.

Темнота надвигалась на них отовсюду, свет слабел. Наруз неожиданно крикнул:

«Вот сейчас. Смотри туда!» — Он громко хлопнул в ладоши и крикнул одновременно.

Маунтолив вздрогнул и посмотрел туда, куда Наруз показал пальцем.

«Что-что?» — глухо бухнуло ружье с дальней лодки, и небо раскололи надвое совсем иные птицы;

медленно встав на крыло, они отсекали землю от неба живой трепещущей розовой раной, как просвечивает сквозь кожицу мякоть граната. Затем, на мгновение став из розовых алыми, они плеснули под конец чистым белым цветом и опали обратно к озеру, как хлопья снега, и растаяли, чуть коснувшись воды.

«Фламинго!» — крикнули они, в один голос, и рассмеялись, и тут сомкнулась над ними тьма, поглотив мир видимых форм.

Они подождали еще, дыша глубоко и вольно, давая глазам привыкнуть к темноте. С дальних лодок по воде долетали голоса и смех. Кто-то крикнул: «Йа, Наруз!» И еще раз: «Йа, Наруз!» Наруз пробормотал что-то. Потом пришел короткий синкопированный ритм тамтама и тут же растворился где-то в крови и плоти — Маунтолив внезапно поймал себя на том, что выстукивает пальцами борт лодки. Озеро стало бездонным, исчез желтоватый донный ил — мягкий, в трещинах ил с берегов доисторических озер или битумно-черный, нанесенный Нилом походя, по пути к морю. Но тьма и сама пахла илом.

«Йа, Наруз! — снова донесся крик, и Маунтолив узнал голос Нессима, старшего из братьев — слова ручейком вплелись в мягкую волну морского бриза. — Время... за... жи... гать!»

Наруз коротко крикнул в ответ, как взлаял, и тихо заворчал от удовольствия, нашаривая спички.

«Вот теперь ты посмотришь», — сказал он гордо.

Лодки сошлись ближе и встали чуть неровной окружностью прямо у вешек, в душной темноте искрами вспыхнули спички, и, чуть погода, расцвели мерцающими желтыми цветами закрепленные на носах лодок карбидные лампы, вернув глубину

пространству, давая ориентиры тем, кто отстал от прочих. Наруз извинился, перебрался через Маунтолива и принялся возиться на носу. На Маунтолива пахнуло потом крепкого мужского тела — Наруз нагнулся, проверил резиновую трубку и встряхнул старую, в бакелитовом корпусе лампу, полную кусочков карбида. Затем он повернул краник и чиркнул спичкой: на минуту их окутали густые клубы дыма — они задержали дыхание, — дым рассеялся, и внизу тоже расцвел вдруг, подобно гигантскому цветному кристаллу, полукруг озерной воды и высветил с жаркой, прямолинейной беспристрастностью волшебного фонаря встревоженные стайки рыб, которые то рассыпались, то, перестроив ряды, вновь сходились вместе, — и в движениях рыбьих тел сквозили удивление, любопытство, едва ли не радость. Наруз резко выдохнул и вернулся на корму.

«Смотри вниз, — он только что не подтолкнул Маунтолива к борту. — Но голову держи хорошо пониже».

Маунтолив не понял смысла последней фразы и повернулся, чтобы переспросить, но Наруз тут же пояснил:

«Наверни куртку на голову. Зимородки видят рыбу, они с ума сходят, а ночью видеть не умеют. В прошлый раз пропорол мне щеку насквозь; а Собхи потерял глаз. Смотри вперед и вниз».

Маунтолив послушно опустил голову и лег ничком, медленно скользя над подернутой мелкой рябью лужицей света, и дно было — более не ил, но ложе магического кристалла, живое от водяных черепах, и лягушек, и рыб, скользящих толчками, — встревоженных вторжением из высших сфер. Лодка опять накренилась и шла так, пока перелившаяся через

стлани вода не залила носки его туфель. Краем глаза он видел теперь широкий полукруг света, гирлянду желтых цветов, быстро смыкавшую концы; и словно для того, чтобы задать лодкам такт и меру движения, выросли над водой барабанная рябь и пение — приглушенные, полные ленивой тоски, но и настойчивые, властные. Его позвоночник стал с килем лодки единым целым, и каждый рывок дрожью пробегал по телу. Он силился вспомнить и не мог — ощущения были новыми, незнакомыми совершенно.

Вода стала теперь плотней и гуще; подобно овсяному супу, который доводят на медленном огне. Но, присмотревшись повнимательней, он обнаружил: эта иллюзия не от самой воды, но оттого, что рыб стало больше. Дна почти уже не было видно, рыбы стаи пересекались, сталкивались, соединялись в полки и дивизии, скользили, как по команде, то вправо, то влево, возбужденные тем, как их много; но все они двигались в одном направлении. Стал плотнее и кордон, он затягивался, как удавка, и до следующей лодки, до следующего озерца воскового света на воде было теперь не более двадцати футов. Лодочники кричали резко и хрипло и хлопали по воде ладонями, полные предвкушения огромных рыбьих стай, кочующих у илистого дна, уже тронутых паникой в центре мелеющего полукруга. В движениях рыбьих тел — по кругу, наискось — уже сквозила горячка. Смутные тени людей принялись разматывать в лодках бредни, крик стал гуще. Маунтолив почувствовал, как кровь быстрее побежала по жилам, забилась от возбуждения.

«Вот сейчас! — выкрикнул за спиной Наруз. — Лежи смирно!»

Вода была уже — кисель, и серебряные рыбы тела стали выпрыгивать во тьму, вверх, сверкая, как монеты, только для того, чтобы упасть обратно на отмель. Озера света соприкоснулись, пересеклись и замкнули круг, со всех сторон с бултыханием и плеском прыгали в мелкую воду темные людские фигуры, волоча за собой длинные бредни, переступая понемногу, а темные мотни в промежутках уже были набиты трепещущими рыбьими телами, туго, как чулки на Рождество. Охваченные паникой рыбы сотнями выпрыгивали из кипящей воды — холодные брызги захлестывали заикающиеся лампы, — падая в лодки, самозабвенно хлеща хвостами, теряя холодные монетки чешуи, и самый ритм их отчаянной борьбы со смертью был так же заразителен, как прежде барабанная дробь. Маунтолив видел, как медленно бредут по мелководью арабы в подоткнутых к поясу долгополых белых одеяниях, толкая всем весом тела длинные черные клячи, продвигая понемногу сеть. Свет отблескивал на смуглых бедрах. В воздухе сгустилось, растеклось понемногу варварское чувство блаженства.

И — еще одна неожиданность, ибо небо над ними стало вдруг столь же плотным, как вода под днищами лодок. Неясные тени заполонили воздух, крик и плеск разбудили всех, кто спал по берегам проток, и жители осокой поросших озерных берегов спешили принять участие в охоте — сотни пеликанов, журавлей и зимородков, выделявая немислимые пируэты, ложились на крыло, пикировали и взмывали кверху, хватая на лету бьющуюся в воздухе рыбу. Вода и воздух равно кипели жизнью; рыбаки наконец вывели свои бредни и принялись перебрасывать рыбу из сетей в лодки, а то и просто-напросто выво-

рачивали мотню через борт, заливая уловом стлани, покуда рулевые не погрузились по щиколотку в живое серебро холодных рыбьих тел. И людям, и птицам хватало рыбы с лишком, и покуда те из стражей озера, что были покрупнее, складывали и расправляли свои нелепые крылья, похожие на старомодные расписные парасоли, или же кружили неторопливо над бурлящей, кишашей рыбой отмелью, со всех сторон слетались зимородки и чайки, с невероятной скоростью закладывая такие траектории, что дух захватывало, обезумевшие от алчности и возбуждения, летели, не видя ничего перед собой, кроме рыбы, то и дело расшибаясь насмерть о лодки, вспарывая острыми клювами темные тела рыбаков — бедра, щеки, — ослепленные жадностью. Плеск воды, хриплые крики, шелкание клювов, шум крыльев и сумасшедшая горячка барабанов придали всему происходящему странное, незабываемое очарование, вызвав в голове Маунтолива смутный образ забытых древнеегипетских фресок, словно бы писанных тьмой и светом.

Рыбаки уже начали гнать птиц прочь, то там, то здесь в лодке вставал во весь рост человек и принимался размахивать палкой в темном воздухе над головой, и поверх кишашей мешанины рыбьих тел вдруг падали магических оттенков радужные перья и сломанные клювы и пятнали кровью серебряную чешую. Бойня продолжалась три четверти часа, покуда лодки не наполнились до краев. Затем неподалеку появился Нессим, крикнул: «Пора возвращаться!» — и указал через протоку на ту сторону, где кто-то невидимый размахивал горящим фонарем, словно описывал в воздухе свод теплой пещеры света, на долю секунды выхватывая из тьмы то гладкий, подвижный бок